

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ССР

№ 101 (3912)

Суббота, 23 августа 1958 г.

Цена 40 коп.

ГОРОДУ ВЛАДИМИРУ — 850 ЛЕТ

Богатырь-город

Светлый, белокаменный, стоит этот город на высоком берегу тихой Клязьмы...

Войдите в этот город, и вы увидите, как мудро вершится здесь свои дела советский человек...

Сегодня в городе торжества: Владимиру исполнилось 850 лет...

На площади имени Ленина состоится митинг. Все горожане приглашены на праздничный карнавал...

Тысячи тракторов сошли уже с конвейера Владимирского тракторного завода и работают на колхозных полях...

Вот, скажем, в прошлом году еще сходил с конвейера Владимирского тракторного завода тогда только что освоивший трактор «ДТ-24»...

Трактор «Владимирец» выходит из цеха. Рис. С. Куприянова

В изданном до революции сборнике под названием «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии» есть фраза...

Сколько веков видим мы, как возмужал этот город в глубинах русской земли...

Иные времена пришли теперь на землю Владимирскую, по-иному проявляют свой героизм люди этого города...

Есть во Владимире один заповедный уголок, посетив который, каждый почувствует...

ленин русский город. Уголок этот весь утопает в зелени и носит примечательное название: «Сад союзных республик».

Посадили этот сад владимирские пионеры десять лет назад, а пионеры всех союзных республик — узбеки, казахи, молдаване, армяне, белорусы, украинцы и многие другие...

Пусть этот сад и останется в нашей памяти как символ великой дружбы, которая растет и крепнет между людьми всех городов и сел нашего многонационального народа...

А. ВЕЛИЧКО, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Василий ЛИТВИНОВ

О жизни — для жизни...

Читатель настоятельно требует произведений о современности, о наших днях. Требует, сколько бы его ни ублажали пылые теоретики...

Относьсь к должнику уважением и к работам литературоведов, и к историческим романам, и к спещфикам писательского труда, читатель тем не менее с вполне объяснимым упорством стоит на своем...

Читатель вовсе не ждет, чтобы писатели в конце дни обстоятельно, факт за фактом, рассказывали ему о случившемся поутру...

Тема наших дней, как никакая другая, требует от писателя тонкого и глубокого понимания интеллектуальной жизни людей...

Анализируя итоги нынешнего литературного года, критика, несомненно, обратит внимание на примечательное явление...

Золотое кольцо — произведение в жанровом отношении довольно необычное. Его можно назвать романом — очерком, романом-репортажем...

Достоверность, ощущение того, что все описанное в книге действительно так и происходит, так и было, так и будет...

В прениях по докладу выступили М. Нармаев, С. Калыев, А. Сусеев, В. Работе съезда приняли участие секретарь обкома партии Ц. Сарвурш...

И. ЕГОРОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЭЛИСТА

19 000 000

3 АВГУСТА — Всесоюзный день физкультурника. Этот массовый праздник стал в нашей стране традиционным смотром силы, ловкости и красоты народной...

Не отдельные выдающиеся личности, но исключительные «звезды» создавали и создают славу нашего спорта. Его сила — в массовости...

Коммунистическая партия создает все условия для развития физкультуры и спорта. Сотни новых стадионов, бассейнов для плавания, лыжных станций, футбольных полей сооружены в городах и селах...

Завтра над стадионами страны взойдут многоцветные стяги физкультурных парадов. Тысячи москвичей станут свидетелями традиционной Всесоюзной спартакиады профсоюзов...

Обращаясь к родной Коммунистической партии, к народу в день своего традиционного праздника, миллионы советских спортсменов говорят: «Любые твои поручения, Родина, мы готовы выполнить с честью...

Молодость советского народа — ты его величие и взлет! От полей целинных, от заводов Трудовая молодость идет.

А над ней — Спортивные знамена Многоцветной радуги-дуги. И страна торжественно, Молодости слушает шаги.

В ЕДИНОМ РИТМЕ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

КАЛМЫЦКИЕ писатели проводили свой III съезд в преддверии народного праздника — 350-летия добровольного вхождения Калмыкии в состав Русского государства...

Третий съезд писателей Калмыкии

В калмыцкой поэзии был период, когда короткий стих-лузун играл наряду с крупными поэтическими жанрами огромную роль в жизни народных масс...

При всем этом работа съезда была далека от праздничной парадности. Большое дело требует большого труда. Как сделать труд писателя наиболее плодотворным? — этот вопрос волновал участников съезда...

В калмыцкой поэзии был период, когда короткий стих-лузун играл наряду с крупными поэтическими жанрами огромную роль в жизни народных масс...

В прениях по докладу выступили М. Нармаев, С. Калыев, А. Сусеев, В. Работе съезда приняли участие секретарь обкома партии Ц. Сарвурш, заместитель председателя Оргкомитета Союза писателей РСФСР А. Софронов...

На съезде очень горячо и профессионально обсуждался вопрос о языке как первооснове художественных произведений, особенно произведений поэтических...

Об этом недостатке, присущем еще и сейчас целому ряду калмыцких писателей, подробно говорилось на съезде. Отряд поэтов по численности занимает в калмыцкой литературе первое место...

В своей работе калмыцкие писатели обращаются к опыту русской культуры и культуры других братских народов. На калмыцкий язык переведены произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Шевченко, Руставели, Маяковского, Шолохова, Гладкова, Панферова, Н. Островского, Асеева, Суркова, Тихонова и других...

ЭЛИСТА

И. ЕГОРОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЭЛИСТА

У старика Полнова есть все права так говорить о своей семье, так высоко ставить ее автотитет в колхозе. Но, вероятно, лишь автор-рассказчик, живущий с Полновыми одним домом, знает до конца, через какие житейские горнила пришлось пройти самим Полновым...

Счастливым и горем обернется первая любовь Настеньки Полновой к жениху человеку, своему начальнику — Мельникову. Тернистой окажется ее первая трудовая дорога, потому что ни школа, ни техникум еще не сделали ее подлинным агрономом...

Много свежей сенины прибавят в голове старика Полнова и испытания, которые выпадут на долю других его детей — Лизы, едва не оставшейся на всю жизнь матушкой Елизаветой, женой мистера Пола-пьяницы; Игната, попытав-

«Практические» идеи в Мельниково постепенно перерастают в этакую стройную философию, подчиняющую себе все стороны деятельности председателя. Уже по-своему понимает он права колхоза самостоятельно планировать производство: «А может быть, выгоднее не хлеб сеять, а травы?» Уже идет на то, чтобы отбросить, отделиться от колхоза маломощную деревенку («Эти слабенькие только и пороят на чужой счет прожить!»)...

«Практические» идеи в Мельниково постепенно перерастают в этакую стройную философию, подчиняющую себе все стороны деятельности председателя. Уже по-своему понимает он права колхоза самостоятельно планировать производство: «А может быть, выгоднее не хлеб сеять, а травы?» Уже идет на то, чтобы отбросить, отделиться от колхоза маломощную деревенку («Эти слабенькие только и пороят на чужой счет прожить!»)...

(Окончание на 3-й стр.)

В СТАТЬЕ А. Югова «Врач и слово», напечатанной в «Литературной газете» 5 июля с. г., поднята большая и актуальная проблема гуманизма в медицине, проблема использования могучих свойств психики человека с лечебной целью. Эта область медицины именуется психотерапией. Используя человеческую речь, законы высшей нервной деятельности, разумное и целенаправленное слово врача, она открывает огромные возможности для дальнейшего снижения заболеваемости и инвалидности.

Какая же болезнь поразила человека, она непременно затрагивает всю его личность в целом. Подчас даже легкое заболевание поражает способность правильно воспринимать внешние воздействия, а иногда приводит к и нарушению «сигналов», идущих в мозг от внутренних органов. Тревога, беспокойство, раздражительность нарушают трудоспособность, нарушают правильное общение с окружающими на работе, в семье. Падает активность, оптимизм и воля к труду.

И как часто врачи, избывшие больного от смертельной опасности, сохранив заболевший орган или систему от разрушения, становятся в тулуп перед жалами, назалось бы, излеченного больного. Как часто врач, не находя так называемых объективных признаков заболевания или поражения, считает, что он сделал все возможное, и отступает от больного в недоумении.

В статье А. Югова достаточно приведено примеров, когда болезненная мысль приводит к подлинным страданиям органов. Ложная мысль способна извратить всю работу организма. Мирный, спокойный, уравновешенный и культурный человек становится жалобным, начинает обивать пороги лечебных учреждений. А бывает и так, что, очтясь в клинике, отдельные больные ищут спасения у знахарей.

Бессильна ли здесь медицина? Нет и нет! Достижения мировой, и особенно советской психотерапии, основанной на физиологическом учении Павлова, на данных марксистского психологии, открывают большие возможности. Но... в этой области существует вопиющий отрыв теории от практики. Обучение и воспитание врачей в медицинских институтах насыщены декларациями о «цельности личности» больного, о том, что нужно «лечить не болезнь, а больного». А между тем наука и искусство, как это делать, не обучают.

Учат выслушивать сердце, исследовать рефлексы, глазное дно, делать рентгеновское исследование, снимать электрокардиограмму и т. д., но не учат «выслушивать душу». Учат выписывать лекарства, отпуская физиопроцедуры, делать перевязки и даже оперировать, соблюдая асептику и антисептику и бактериальную стерильность.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Профиль с тремя глазами»

В ФЕЛЬЕТОНЕ под таким заголовком, опубликованном в № 71 «Литературной газеты», говорилось о том, что в редакции журнала «Юность» рецензенты порой дают начинающим авторам разноречивые, неаргументированные ответы, в частности так произошло с рукописью ленинградского инженера Арсеньева.

Как сообщил заместитель главного редактора журнала «Юность» С. Преображенский, фельетон «Профиль с тремя глазами» обсуждался на открытом партийном собрании коллектива журнала. В результате обсуждения установлено, что рассказ инженера Арсеньева не представляет интереса для журнала. Собрание признало неправильным многократное рецензирование произведений, непригодных для печати, так как это приводит к излишней затрате рецензентов и нерациональному расходованию средств.

Приняты меры к упорядочению работы по рецензированию рукописей, поступающих в редакцию.

СЕМЕН ШУРТАКОВ ПОДГОН

З А ОКНАМИ кипела на ветру тополиная листва, разногласие шумело только что проснувшееся село, а в просторном председателем кабинете было неприветливо тихо. Бригадир, члены правления сидели вдоль стен и сосредоточенно курили. По углам колпачки синих и единственной выцветшая куртка человека — молодая женщина агронома Лена — не выдержала и перебралась на подоконник.

Александр сидел за своим председателем столом, и низко наклонив голову, внимательно разглядывал лежащую на столе горсть колосков. Александр взял один из них, выщелкнул зернышко, положил на зуб. Вроде бы мягковато. Выдавил еще одно. Это, кажется, по тверже.

Густое утреннее солнце, как бы по каплям проясняясь сквозь листву окружающих дом тополей, весело выбило подоконник, на котором сидела Лена, золотило ее волосы и желтыми денежками дрожало на белой блузке. Одно пятишник упало на стекло с колосками, и они под солнцем стали будто светлей.

— Так как же решаем, мужики? — Александр поднял голову, обвел взглядом сидящих по ту и другую сторону стола бригадиров. Светлые прямые волосы свесились на широкий лоб, сухие обветренные губы плотно сжаты, а нарисе с желтизной глаза смотрят из под выгоревших бровей строго и требовательно: надо решить!

— По моему, можно начинать, — первым сказал Андриан Кирпичников, грузный мужчина средних лет с телячьими свинными усами на медном от загара лице.

— А лучше денек погодить, — потесывая за ухом, отозвался молодой бригадир Игнат Локарев, черный, цыгановатый мужик с хитрым прищуром глаз и шаткой густейшей волос.

— Момент, и два, — кинула с подоконника Лена.

— А коли так, — вступил в разговор третий бригадир Данила Яковлевич Кудинов, — не будем время зря вести.

Кудинов легко поднялся со стула, прошагал к столу и притупил в пепельнице окурок. Длинные пятидесятые с лихим лет выглядит Данила Яковлевич довольно молодо и лицом, и всей своей неширокой, но крепкой статуей. Молодой его и стойкий торчком стоящий веселый чубчик коротко стриженных волос.

— Пошли на поле, — договорил Кудинов.

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Два года назад С. Шуртаков опубликовал повесть «Грудиное лето», посвященную труженникам села. Недавно писатель закончил новую повесть «Подгон», главу из которой мы сегодня публикуем. Повесть печатается в 9-10 номерах журнала «Москва».

На поле оно видней, там и решим окончательно.

С преданием все согласился и, не мешкая, вышел из правления. Утро было прохладное, чистое. И крышки домов, и свежая, промытая недавним дождем зелень деревьев казалась врезанными в спокойную голубизну неба. Солнце обливало село ровным, по-утреннему мягким светом, радужными искрами блеснула в капельках росы на траве, на лопухах, на шпильках подсолнухов. Тянул легкий ветерок и насылил с огородов терпкие, прятные запахи укропа и огуречной ботвы.

Шагая травянистым проулком, Александр вдыхал густой холодноватый воздух и после каждого вдоха чувствовал себя как бы свежий и крепче. Тяжелой от постоянного недосыпания голове делалось легче, тело набиралось упругой силы.

Огороды кончились, дорога пошла на взгорье. Уже заиделось лениво волнуясь по ветру терпеном бурно-желтое поле пшеницы. Это было поле раннего сева. Оно и вошло раньше всех, и созрело.

За горой гулко хлопнуло, затем мелко, дробно застучало, опять хлопнуло и опять ровно, размеренно затучало. Наверное, заводили мотор комбайна, убирающего по ту сторону взгорья рожь.

— Ну, вот здесь и будем смотреть, — сказал Данила Яковлевич, оставив Лена на краю поля. — Там-то, на горе, и на глаз видно — поспела, внизу, у луговины, небось, еще с сырников, здесь — середина, по ней и будем судить.

Каждый сорвал по колосу, затем в полном молчании выщелкивали зерна, перемалывали их на ногу, пробовали на зуб. Кое-кто делал это в десятый, а кое-кто, может, и в сотый раз, и все же так незаметно было определять: да, поле готово к уборке или нет, не готово...

В каждом деле, наверное, есть свои современные тайны, постигнуть которые удается не сразу и не каждому. И стоишь ты назад на шагах десяти и правды варишь сталь, варишь часто «на глазок», не имея и десятой доли тех приборов, которыми окружен вышедший ставлевар. И все же они варили отличную сталь. Они умели пропитать и те сорванные глубины своего дела, зная которых и по сей день не всегда могут заманить даже тонкие приборы.

— Да что стали? Наши предки тысячу лет назад прекрасно звали сечь и убивать хлеб. Уж тут-то, казалось бы, — чему учиться? К тому же теперь, не в пример славянам Киевской Руси, мы можем с точностью до одной десятой и сморять, как хорошо прогреется земля, и узнать, достаточно ли влажна она. И все же каждую весну

одного выступления руководящих работников здравоохранения на них, где не ставился бы вопрос о том, что врач «обязан» учитывать психику больного, «должен» иметь психотерапевтический подход» и использовать психотерапию». Однако под эти требования не подводится никакой реальной базы в форме обучения врачей научным основам и методики психотерапии в конкретной области деятельности врачей любой специальности.

Примером этому является то, что произошло в области акушерства и гинекологии. Советская наука создала особую систему обезболевания родов, профилактическую. Эта система получила большое развитие в СССР, страна народной демократии и была широко подхвачена за рубежом. Зарубежная пресса назвала ее — дар гуманности советской науки всему человечеству. Французский врач-гуманист и борец за мир Ф. Ламаз открыл специальную школу для обучения этому советскому способу и врачей, и акушерок, которые съезжались к проф. Ламазу из всех стран мира. Однако у нас, в Советском Союзе, на родине этого метода, им все еще владеют лишь единицы.

В 1950 году, как мы писали, вопросы психотерапии были затронуты на сессии двух академий, в 1955 году они обсуждались на ленинградской конференции, созванной институтом имени Бехтерева. В 1956 году была созвана в Москве институтом психиатрии конференция по психотерапии с участием представителей многих медицинских дисциплин. В том же году после того, как была опубликована упомянутая статья в журнале «Коммунист», состоялось специальное расширенное заседание президиума Ученого совета Минздрава СССР.

Единогласными были требования: открыть кафедры в медицинских и особенно институтах усовершенствования, создать журнал, кабинеты психотерапии в общих поликлиниках и больницах.

Но... все резолюции остались резолюциями. До сих пор нет ни одной кафедры, ни одного журнала, не открыто ни одного нового кабинета.

Зачастую авторитарнейшие пожелания и требования учредят кафедры психотерапии на бытовых и вузов на следующий ответ:

«Нам нужен общий врач. Мы не можем доказать преподаванию».

Но ведь если это верно, то как же можно мыслить себе такого общего врача, лечащего людей, без знаний психотерапии и медицинской психологии, без крепких и действенных познаний в патофизиологии высших отделов головного мозга?

Гуманизм, естественно присущий советскому врачу, состоит не в одном только «ласковом подходе к больному», — это должен быть научно вооруженный гуманизм!

Правда, появились уже первые начинания. На Украине, в Харькове, где существует одна из школ павловской советской психотерапии, возникла благоприятная обстановка, предприняты первые, хотя и робкие мероприятия.

Старейшее в стране харьковское медицинское общество и Совет профессоров вместе с дирекцией харьковского института усовершенствования врачей поставили перед Минздравом Украины вопрос об организации психиатрического курса психотерапии и специальности как общемедицинской дисциплины.

Эта инициатива была поддержана Учеными медицинскими советами министерств здравоохранения СССР и УССР. Начинание вызвало горячий отклик психотерапевтов Москвы, Ленинграда, Киева, Горького, принявших участие в составлении учебных планов. Но это только пока еще на кафедре, а единичный курс, первая ласточка. Одна ласточка, как известно, весны не делает. Но будем думать, что она является предвестницей ее в данной области и призывы нашей печати, а также чаяния лучших советских врачей действительно воплотятся в жизнь!

ХАРЬКОВ

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Соблазны мнимые и подлинные

В ВЧЕРАШНЕМ номере газеты «Литература и жизнь» опубликована большая статья писателя Виталия Васильевского «Мнимые соблазны». Подавляющая часть ее посвящена произведениям советских авторов, изданным в последние годы.

Вит. Васильевский выступает за современную тему. Он ратует за тесную связь нашей литературы с жизнью народа, за живучие современные темы в литературе всех жанров. И здесь Вит. Васильевский прав. Но, к сожалению, включившись в эту борьбу, он не устоял перед искушением по-своему — непропорционально и необоснованно — оценить и некоторые явления в творчестве молодых советских прозаиков. В нашей прозе, оказывается, появились «декадентские произведения». И заметил это не кто иной, только он — Вит. Васильевский.

Полно! Так ли? Можно ли, даже в пылу предостерегающей полемике, приписывать нашей прозе не присущие ей болезни? Нельзя, конечно.

Произведения В. Полторакина, И. Лаврова и Ю. Казакова нуждаются в строгом и компетентном разборе. В одних произведениях сквозила писательская неопытность, в других — ложно понятая задача и неверное обобщение. Всех этих трех писателей можно упрекнуть в мелкоточности, в неумении увидеть большое, значительное, красивое в нашем сегодня, в недостаточном внимании к современной теме. Но приклеивать им ярлыки «декаденты» категорически несправедливо. Они, может быть, иногда творчески ошибаются, но они наши, советские писатели, а никак не декаденты.

Краткость этой реплики не позволяет нам подробно оценить все другие весьма странные утверждения и приемы Вит. Васильевского.

Вот пример странного утверждения. Иван Бунин — большой русский писатель-реалист, и критика все его печальные заблуждения, мы сохраняем его лучшие произведения в культурной сокровищнице нашего народа. Но называть его гением, гениальным учителем, ставить фактически в ряд с Пушкиным и Толстым, право же, неосмотрительно.

А вот пример «приема». Вит. Васильевский вытащил из Полторакина и Лаврова слепую и глухонемую героиню и на этом основании восклицает: «Ведно же воображение у наших «декадентов»! Но таким приемом можно опровергнуть даже великих писателей. Удивительный метод!

Всего лишь несколько десятков строк Вит. Васильевский посвящает книгам современных зарубежных писателей. Но как часто тут разнообразие нелепостей и неуместности!

Здесь у Виталия Васильевского что ни фраза — откровение для каждо-

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО АСТРОНОМОВ

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

В МОСКВЕ закончил свою работу X съезд Международного астрономического союза. На нем присутствовала делегация 35 стран, в том числе делегация Болгарии — страны, которая была принята в Международной астрономической союз после IX съезда, а также делегация молодой Объединенной Арабской Республики.

X съезд Международного астрономического союза показал, что за три года, прошедшие со времени Дублинского съезда МАС, астрономия сделала огромный шаг вперед — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заместитель председателя Оргкомитета съезда П. Г. Куликовский. — Достаточно назвать такие появившиеся за это время мощные средства исследования, как гигантский радиотелескоп в Манчестере (Англия), несколько новых очень крупных оптических телескопов и, наконец, искусственные спутники Земли, открывшие эпоху освоения человеком космоса. Все это значительно расширяет возможности ученых в решении астрономических задач.

Наша страна придает большое значение международному сотрудничеству ученых. Совместная деятельность в области науки способствует развитию дружеских отношений между учеными всех стран. Астрономия своими успехами во многом обязана международному научному сотрудничеству.

Вышедший Президент Международного астрономического союза профессор А. Данжон сказал, — продолжал П. Г. Куликовский, — что дата запуска первого советского искусственного спутника Земли отныне вписана золотыми буквами в число великих событий мировой истории. Теперь ученые подошли к такому этапу развития астрофизики, когда перед нами раскрываются новые свойства материи, которые до сих пор не могли быть открыты на основе экспериментов в земных лабораториях.

К следующему, XI съезду МАС, который состоится в США в 1961 году, мы, несомненно, станем свидетелями еще более разительных достижений как в области средств научного исследования, так и в раскрытии загадок Вселенной.

На заключительном заседании съезда делегаты избрали новое руководство Международного астрономического союза. Виднейшим астрономом нашего времени директор Лейденской обсерватории профессор Я. Оорт (Голландия) избран Президентом МАС. Известный английский ученый Дональд Садлер избран Генеральным секретарем союза. Избрано также четыре новых вице-президента (из шести): Л. Гольдберг (США), Р. Петри (Канада), Р. Стой (Южная Африка), Б. Штернберг (Чехословакия). Два вице-президента прежнего состава Б. Кукерник (СССР) и О. Хэйман (ФРГ) не подлежали переизбранию.

Во время работы X съезда Международного астрономического союза иностранные ученые проявили большой интерес к деятельности советских научных учреждений. Руководитель сети оптических наблюдений за искусственными спутниками Земли в США Аллан Хейнк перестил Государственный астрономический институт имени Штернберга. Доктор физико-математических наук А. Масевич рассказала американскому коллеге о системе наблюдений за спутниками в СССР.

А. Хейнк заявил нашему корреспонденту: — На съезде я и мои друзья

многочисно. У нас в США также ведутся наблюдения за искусственными спутниками Земли, ими заняты 113 станций. Данные о наблюдениях за советскими спутниками Земли мы регулярно посылаем в СССР.

На снимке: Алла Генриховна Масевич знакомит Аллана Хейнка с советскими приборами для наблюдений за спутниками Земли. Фото В. ЯСТРЕЖЕВСКОГО

— На съезде я и мои друзья многому научились. У нас в США также ведутся наблюдения за искусственными спутниками Земли, ими заняты 113 станций. Данные о наблюдениях за советскими спутниками Земли мы регулярно посылаем в СССР.

Скажем лишь о предисловиях и послесловиях. Они могут быть удачными, менее удачными и, наконец, просто неудачными, но, право же, их авторы не заслуживают упрека в том, что они «обезглавливают» авторы предисловий и послесловий сделанного Виталием Васильевским политически банального сравнения их работ с писаниями иогославского ревизиониста Видмара.

Виталий Васильевский говорит в своей статье о мнимых соблазнах, сам же он, к сожалению, поддался подлинному соблазну поговорить о том, что он по настоящему не знает.

ЛИТЕРАТОР

Одно было плохо. Все эти выстоявшие и теперь заново ожившие хлеба росли как бы в два яруса. Самые мощные стебли с самыми тучными колосьями составляли нижний ярус, а на добрую четверть над ними возвышались колоски. Это потоньше и потоще. И ладно бы одинаковой спелости были эти ярусы! Поспевающим было именно верхний, его только и приходилось брать в расчет. Подгон же, как бы хорош, как бы силён он ни был — что от него проку? Здесь — не Кубань, и лето не кубанское. Эти еще совсем зеленые колосья поспеют не раньше, как через три недели, то есть когда уборка уже должна быть кончена.

— И прошлое лето было тяжёлым, — вздыхая, сказал Данила Яковлевич, — и это не задалось. Хотя бы один дождик ко времени! — Он с силой двинул в пальцах толстый зеленый колос, и из него брызнуло хлебное молоко. — Ну-ка, дойди до ума этот колосинец — да мы бы тогда завалились хлебом.

Налетел ветерок, качнул хлеба, и пригнувшись на минуту, они стали ровными. Но ветер унесся дальше, пшеница выпрямилась, и в ней опять стал хорошо заметен густой зеленый подгон.

РАНО УТРОМ, едва секретарь райкома Федор Степанович Завенягин переступил порог своего кабинета, позвонили из «Заря».

— Как быть? — хриплым голосом спрашивал в трубку председатель «Заря» Тимофей Опарин. — Начали яровые — не идет комбайн.

— Почему не идет?

— Подгон мешает. Завивает и барабан, и соломотряс, — Опарин помолчал. — Да и... вздохнул тяжело. — Да и жалко...

Не прошло и полчаса после этого разговора — позвонили из «Свободного труда». Захар Чапыгин, будто по уговору с Опариным, повторил то же самое: начали убирать пшеницу, но мешает подгон. Как быть?

Из совпадения этого Федор Степанович понял, что не за техничным советом обращаются к нему председатели. Он снял трубку и позвонил Александру Огонькову:

— А тебе подгон не мешает?

— Еще как! — глухо ответил Александр.

— А чего молчишь?

— То и молчу, что помочь ты все равно ничем не сможешь, — Александр, как и Опарин, глубоко вздохнул. — Хоть молчи, хоть кричи... Больно жгли последние слова, словно кто по лицу хлестнул, но Федор Степанович понимал, что это действительно так: помочь председателем он был не в силах.

От разговора даже во рту стало горько и сухо. Федор Степанович выпил стакан воды, налил еще, но вспоминал, что пить много ему нельзя, и досадно поставил стакан на стол.

В последние время начало сдвигать сердце. Как-то быстро пришла полнота, нос и подбородок словно бы размяли, расплылись, под глазами появились мешки. Врачи говорят, что это серьезно и надо беречься, а то сердце может не

выдержать. Врачи, конечно, правы, надо беречься, но все как-то не до себя, не до своих болезней.

Федор Степанович шагал по кабинету, усиленно дымя папиросой, стоял у окна, садился за стол и снова вставал. Тяжелые и бесплодные мысли только утомили его, и, решительно схватив бумагу со стола в ладонь, он вышел из кабинета.

Пока помощник вызывал машину, Федор Степанович завернул ко второму секретарю Гончаруку. Тот сидел с ирою стола, на котором лежала горсть зеленых колосков, и разглядывал на свет хлебное зернышко. Горбоносое большезлазое лицо его было хмурым и сосредоточенным.

— Что, Зелено? — спросил Федор Степанович.

— Зелено, — хмуро ответил Гончарук.

— Ты вчера в «Заветах Ильича» был, сколько там пшеница на круг дает?

— Мало. Самое большое — четыре центнера.

— А мешками при, мешками и того меньше.

— А подгон? Не мешает? Опарин с Чапыгиным, вон, жалуются.

— Там только нынче собирались с подгоном.

— За стенкой прояснилась машина.

— Еду в южный нут, — сказал Федор Степанович — Погляжу, как там и что...

В машине он почувствовал себя, как-то спокойнее. Полевой простор всегда действовал на него умиротворяюще.

Огонькова Федор Степанович застал на полевок току. Тот вместе с бригадирами стоял около наполненной зерном бестарки.

— От комбайна?

— От комбайна.

— Продолжаете жать?

— Поле раннего сева, что у села, сносили. А теперь... — Александр черной от загара рукой взял горсть зерен и, растопырив пальцы, ссыпал их обратно. — Больше половины зелены.

— И что же?

— Голоса, как говорится, разделились. — Александр опять поддел горсть хлеба и опять ссыпал его в бестарку. — Мы с Данилой Яковлевичем за то, чтобы подождать, а вот они, — он кивнул на бригадиров, — против.

— Зелен — не помеха, — сказал Андриан Кирпичников. — У нас лафет есть. Лафетом сносим.

— Сносить-то сносить, — возранул Данила Яковлевич, — да ведь это зерно... оно выбрают толстое зеленое зернышко, когда высохнет — сморщится, мусором станет.

— Ничего, — упрямо стоял на своем Кирпичников. — Этот мусор отведем и на фураж пустим, сжигают за милую душу сократ.

— А потерею-то, потерю сколько хлеба! — А это еще не известно, — вступил Игнат Локарев, — где мы больше-то потеряем: сейчас сносим или подождем. Тебе что, Илья пророк расписку выдал, что месяц на своей колеснице не заремлет? Или, может, известно, что он ту колесницу в капитальный ремонт сдал?

Игнат улыбаясь иронически, а Кирпичников продолжал:

О ЖИЗНИ — ДЛ Я ЖИЗНИ...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

самые ясные и прямые указания партии, направленные против догматизма, к разрыванию инстинктивных на местах, умудрившись переосмыслить для себя в плане нового революционного догматизма, куда более опасного, чем простое преклонение перед «бумажкой из района».

Такова сконцентрированная сущность Мельникова. И при всем этом — он сильная личность, обаятельный в обращении, уверенный в себе человек, невольно заражающий этой уверенностью других. Ложно мыслить в главном, он зачастую высказывает по тому или иному поводу здравые и полезные мысли. Утверждает в Мельникове типическое. Жестов вместе с тем рисует его фигурой глубоко интуитивной, незаурядной. Оценив такую одну фразу невозможно, и под шаблонную меру «отрицательного героя» его не втиснешь. Ясно видишь, почему за таким председателем долго, до самого конца идут некоторые колхозники, почему Елагину, человеку не менее волево-му и уму, приходится так терпеть, так «гуманно» бороться и против Мельникова, и за Мельникова.

Сложность развития этого образа прямо преподнесла и драматическую напряженность той сюжетной линии «Золотого кольца», которую можно назвать линией автора-рассказчика, линией его будущей книги, рождающейся в творческих муках, в трудных раздумьях о писательском деле, о месте литератора в жизни.

«Линия полновных», «Линия Мельникова», «Линия автора»

Это, конечно, честная условность пересказа. Чтобы дать полное представление о романе Жестова, здесь необходимо было бы говорить еще и о линии Елагина, линии Борозина — отставника, паразитирующего на колхозной земле, о линии попа Василья Пыхтыева... Нужно было бы пересказать добрый отдел историй, так живо написанных автором, — о необычном решении «калентного дела» матери-одиночки Анки, о трогательной любви Артема к Маше Полновой — женщине старше его годами, о молодежной бригаде, отработывающей в колхозе два года перед институтом... За каждой из подобных историй стоит своя личная проблема, важная для этого познания проблемного романа. Как бы пометрились с литературной манерой подачи общественно-хозяйственные проблемы через этикие «живые картины», исподтишка, словно на-полю, Жестов решительно вводит эту проблематику в повествование. Да и почему герои должны говорить намеками, если живые люди говорят о таком в самой прямой речи, если эти люди — современных колхозников, а не кондовиков «пейзан» — искрен-

но занимают в мире все сущее, что причастно миру.
Проблема, история, сюжетные линии в романе взаимодействуют, усиливают одно другим. Обстоятельство, чрезвычайно важное для произведения Жестова. Отвечая основным требованиям романа, рисуя через основы человеческие судьбы, через их столкновение и переплетенность широкую картину общественной жизни, «Золотое кольцо» при этом плодотворно использует для исследования человеческих судеб и всей картины в целом очерковый принцип. Роман отличается страстной публицистичностью, прямото авторства в формулировке оценок и характеристик; богатство жизненных наблюдений здесь преломляется в свете главной для художника задачи: во всем многообразии явлений современной колхозной действительности по-особому глубоко рассмотреть, подчеркнуть те явления, которые полны жизни в сознании людей, в труде и быту в связи с большими историческими сдвигами последних времен, и в частности, с последними решениями партии и правительства о крутом подъеме сельского хозяйства страны. Не вообще, а именно на твердой основе исследования этих явлений книга ведет с читателем душесейный разговор: сегодня, когда народ дал каждому из нас так много, мы с особой оознанностью должны мерять по народу, по народному идеалу не только свой быстрой, но и медленно растущий достаток, но прежде всего свой труд, свою долю участия в общем деле. По нему мы меряем ныне свой быт, свою любовь, самое личное и сокровенное.

«Линия полновных», «Линия Мельникова», «Линия автора»

В достоянии этого романа, а вместе с ним и для таланта писателя. Испытание на прочность и верность жизненной позиции автора, испытание книги на современность.

В «ЗОЛОТОМ КОЛЬЦЕ» есть свои, совершенно явные недостатки. Сузить о них, понятно, следует по законам избранной для себя самим автором, то есть с точки зрения непользования возможностями очеркового принципа. А принцип этот при всем том, что он рассматривает в герою какие-то определенные, связанные с общей идеей произведения стороны характера, не только не исключает, но, наоборот, обязательно требует от художника дать цельное представление об индивидуальности персонажа. Помните, критика уже однажды указывала Жестову (в связи с книгой «Под одной крышей») на то, что образы отдельных его положительных героев лишены человеческой самостоятельности. В новом произведении этот упрек в какой-то мере нужно отнести к образу Елагина и уже целиком — к образу секретаря райкома Сокова, выступающего в двусмысленной роли советника и регистратора событий в Покрове. Много несено в фигуру Игната: для ее понимания очень важно было бы показать, откуда в крепкой семье Полновых мог появиться такой «шабашник». Неубедительно его короткое обратное переключение. Наконец, где этот покровский парень набрался таких «ужасно красивых» словес: прерил, бунгалю, колхозное ранчо... Всем замыслом, всей цельностью «Золотого кольца» была определена четкая форма повествования от лица автора-рассказчика. И вдруг к концу романа Жестов начинает ломать эту принципиально дорогую для него форму — зачем? Зачем сугубо реалистическому, очень «земному» произведению такие крикливо, уголовно-приключенческие заголовки: «Кровь и кровля», «Луна в спину» и некоторые размывленные о жизни», «Мама разоблачает Артема», «Грехи наши тяжкие», «Лицом к лицу», «Расплата»? Необходимо тщательно просмотреть композиционную структуру романа, убрать из него лишнее: местами автор злоупотребляет своей записной

Вышли в свет...

- Гослитиздат**
Бриль Я. Рассказы и повести. Авторизованный перевод с белорусского А. А. Островского. 394 стр. 30 000 экз. 8 руб. 10 коп.
Дивьяков, Калининский народный эпос. Перевод С. Липина. Вступительная статья Ю. Коробочкина. Предисловие В. Пашкова. 363 стр. 10 000 экз. 16 руб. 40 коп.
Достоевский Ф. Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 10. Братья Карамазовы. Ч. 4. Эпизод. Произведения. 1873—1880. 622 стр. 300 000 экз. 12 руб. 50 коп.
Иванов В. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. Вступительная статья Е. Ступина. 399 стр. 8 руб. 95 коп. Т. 2. Рассказы. Повести. 439 стр. 8 руб. 15 коп. Т. 3. Очерки. Почти три года (Степанаковский дневник). Записи из рабочего дневника. 575 стр. 9 руб. 80 коп.
Курпир А. Собрание сочинений. В 8-ти томах. Т. 6. Произведения 1899—1937 гг. 830 стр. 350 000 экз. 12 руб.
Леонов Л. Дорога на океан. Роман. 543 стр. 75 000 экз. 10 руб. 30 коп.
Марков Г. Стрелки. Роман. В 2-х книжках. 808 стр. 130 000 экз. 10 руб.
Менделеев В. В окопах Сталинграда. Повесть. 251 стр. 150 000 экз. 5 руб. 50 коп.
Сеидумулла И. Избранные произведения. В 2-х томах. Вступительная статья Е. Ступина. 75 000 экз. Т. 1. Повести, рассказы, воспоминания. 479 стр. 9 руб. Т. 2. Повести и рассказы. 255 стр.
Очерки. — Статьи. Записки из рабочего блокнота. 375 стр. 7 руб. 25 коп.
- Художественно по четыре — пять центнеров мы возьмем...
— Подождите! — все пятнадцать возьмем.
— Где же гарантия, Данила Яковлевич? Нету ее, этой гарантии. И всего-то скорее может получиться, что и подгона не дождемся, и хлеб осыпется.
— Нет уж, чем журавля в небо, лучше синицу в руки... опять подержал Кириличникова Игнат... Так надежнее.
Шумел топ. Глухо постукивали веялки, монотонно шуршали ковши хлебоного трактора, по временам раздавался девичий смех. И все это было рядом и в то же время где-то далекодалеко.
— И за такую же птуню голосов больше? — спросил Федор Степанович. — За синичку или за журавля?
— За синицу, — хмуро отозвался Александр. По дороге сюда Федор Степанович думал, что близок к ответу на мучивший его вопрос. Вот сейчас поговорит с Александром, с его мужчиной, и все будет ясно. Нет, оказывается, совсем не так.
До вечера он побывал у Захара Чапыгина, у Тимофея Опарина, но эти поездки, разговоры с многими людьми лишь привносили доводы. Как «за», так и «против», а решение не приближалось.
Очень бы хотелось Федору Степановичу дать доспеть подгону. Но стоило ему хотеть на минуту утвердиться в этой мысли, как ее со всех сторон начинали подкапывать бесчисленные и неопровержимо убедительные «против».
Чтобы доспеть подгону, нужны две недели. А если завтра или через десять дней опять лишний дождь? Созревание затянется еще на неделю. Тогда уборка обязательно попадет под осеннее ненастье. Много ли соберешь хлеба тогда?
А главное же — главное, что в погоне за вероятными пятнадцатью центнерами потеряешь верные, уже посеянные пять. Эти пять — вот они, отвеивай и сыпь в закрома, Те пятнадцать могут попасть в амбар, а могут и остаться на поле...
На другой день Федор Степанович собрал бюро.
— Кто как, а я так думаю, — первым сказал Гончарук. — Подгон идет сонный, сильный...
— В том-то и беда, что слишком сонный, — воздухнул председатель райисполкома Карев. — Ничего. Зато как он — дай срок — нальется...
— Когда нальется!
— Словом, я за то, чтобы жатву приостановить. А я думаю, — сказал Карев, — рисовать не стоит. Как бы совсем без хлеба не остаться. Три члена бюро поддерживают Гончарука, три стали на сторону Карева. Решающим оказался голос самого Федора Степановича.
— Дело большое, — с трудом проговорил он. — Давайте подумаем еще немного. Хотя бы до завтрашнего утра.
Все поиничи, что Федор Степанович просит для себя отсрочки, и никто не возражал. Дело та-

книжкой, ослабляет динамику сюжета.
Недостатки серьезные. И все-таки, говоря языком военных, эти недостатки больше тактические, чем стратегические, пороки. Книга прочитана, и она убедилась нас в том, что материал и замысел ее требовалась именно эта, и никакая другая форма. Только роман-очерк был способен так органично соединить в одно целое, донести острогу, «сегодняшность» всего наблюдаемого и выходящего за пределы книги, ослабляет динамику сюжета.

«Сегодняшность!» Писателю сегодня важно было сказать в подавший голос о том, что движение за передачу техники из МТС в колхозы, решившее большую и насущную задачу колхозного производства, вместе с тем породило на пути к своему совершенствованию новые серьезные проблемы, которые требуют пристального внимания общественности. Сегодня в жизни колхозной деревни по-особому четко встали проблемы дальнейшего углубления принципа материальной заинтересованности людей в своем труде, проблемы воспитания руководящих кадров с помощью масс, колхозной демократии, насущные проблемы будущего сельского молодежи — крестьянской смены. И тут же, связанные тугим узлом с любой из этих проблем, как и с самими сложными человеческими судьбами, другие вопросы, далеко выходящие за рамки «колхозной темы», горячо обсуждаемые в наши дни, — касается ли они советской литературы и ее связи с жизнью, газетной практикой или системы обучения в школах и техникумах, общественного лица отставников и пенсионеров или существующих положений о бракоразводных процессах, о летях «без отчества»...
Все это — радость и боль, тревога и пошук, сама жизнь героев «Золотого кольца»: Мельникова, Елагина, автора-рассказчика, Игната, Настеньки, Борозина... И все это гуще, важнее, важнее именно сегодня, сейчас!

У ЖЕСТОВА доброе дарование: книги его обычно актуальны, вызывают оживленный отклик. Критика не раз отмечала в нем богатую наблюдательность и пытливость, обостренное чувство нового, умение ярко раскрывать о самом обыденном. Отличное знание колхозной действительности позволяет писателю делать смелые обобщения, активно вмешиваться в жизненные процессы. Недаром рецензия, разбирающая написанное им, часто называется «Чувство хождения». «По горячим следам», «Мушкетера правды»... Внимательный читатель, знающий Жестова не первый год, с интересом следит за творческим ростом писателя, помнит его «Оленьку» — светлую и сердечную повесть, построенную почти что на трагедийном конфликте, его книги «Под одной крышей» и «Приключения маленького тракториста», явившиеся для автора своеобразным поступком к «Золотому кольцу» — роману-очерку.

Работая бок о бок с такими знаками жизни и художественного очерка, как Калинин, Дорош (с его интереснейшими записками о Райгородке), как Овечьин, Тендарков, Солонухин, Залыгин и другие, Жестов в своем последнем произведении идет в глубь очерка, в глубь темы. Расширив поле действия, обогатив его очерком, утверждая большую идею через единый — многоконфликтный и многоплановый — сюжет, он тем самым снимает с художественного очерка налет некоторой, казалась, навсегда неизлечимой односторонности, некоторой замкнутости. Проверив идею романа-очерка судьями различных героев, в различных ситуациях, Жестов тем самым добивается все большей типичности изображаемых картинок, большей художественной достоверности произведения. Говоря иными словами, добивается такого решения темы современности, когда проблематика ее отражает разумья многих и многих людей, отражает наиболее всеобщее и существенное в сегодняшней жизни нашего народа.

— ДАВАЙТЕ познакомясь — так называется недавняя вышедшая из печати книга рисунков И. Жукова с сопроводительными стихами В. Томсена.
Советские люди знают и любят творчество И. Жукова. Широко известны его иллюстрации в книге «Воспоминания о Марксе», серия иллюстраций к книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», замечательные фронтовые рисунки.
Серия детских рисунков И. Жукова также заслуживает внимания художника — можно уверенно сказать, что собранные все вместе в книгу «Давайте познакомясь», они доставят много приятных минут взрослому и маленькому читателю. Любознательное и любящее искусство поможет раскрыть в рисунках сложные и хлопотливый ребяческий мир.
Перед нами на страницах книги его маленькие герои:

— Ты же не хворь ли опять начинать одолевать? — спрашивала откуда-то издалека, кажется из соседней комнаты, Мария Николаевна.
— Нет, нет, что ты, я совсем здоров, — Федор Степанович поднял глаза и к немалому удивлению, увидел жену рядом, тут же у стола — Просто устал...
— Работа после обеда тоже не кленлась. Федор Степанович старательно вычитывал в различных бумагах, но смысл их упорно ускользал от него. Он начинал сначала, читал по строчке, по слову, а результат был тот же. Буквы в его глазах постепенно росли, расплывались, и вот уже нет никаких строчек, а есть тихо колышущаясь под ветром хлебоное поле с редким спелым колосом и густым только-только забуревшим подгоном. На краю поля стоит трактор с лафетом. Мотор у трактора заведен, стоит только дать знак трактористу — и агрегат тронется по хлебоному раздолью...
Не работало. В колхозы ехать тоже не хотелось. И к Опарину, и к Огонькову надо ехать с определенным решением, а сего-то как раз все еще не было.
И спал в эту ночь Федор Степанович плохо, беспокойно. Проснулся, когда восточный край неба только-только зазвездил, затуманился. Оглушительно громко стучали часы на стене, тяжело билось сердце. Если глубоко вздохнуть, — сердцу становится тесно в груди, начинает покалывать.
Федор Степанович вдруг почувствовал, что ему трудно будет дождаться рассвета в этой душной комнате, подошел к телефону, тихонько позвонил в районное дежурное.
— Куда ты ни свет, ни заря? — спросила с постели Мария Николаевна.
— Не спишь, мать. Я скоро. А ты спи. Спи. Пока он одевался, лил молоко, к дому подьехала машина.
На розово-желтой чистоте неба четко рисовалась громада церковного купола с резным крестом, контуры дальних и близких деревьев, крыш изб, а в одном широком прогале между деревьями тянулась вышине-красная полоса. Будто стекла из чистого холодного неба розовая влага капала над горизонтом, становилась все гуще и затем уж по капелке падала на сады, на луга, на хлеба.
Федор Степанович сошел с крыльца, сел в машину.
В полях было свежо и тихо. С каждой минутой они все больше светлели. На ложбин и оврагах уходили, как бы испаряясь на глазах, остатки ночи. Поды еще спали, не шевелился ни один колос, ни одна травинка.
Где-то на границе огоньковского и опаринского колхозов Федор Степанович вышел из машины.
Донрасна раскалившийся горизонт в одном месте расплавился, брызнул белым лучистым огнем — над землей: подымало солнце. Вот

Дневник ИСКУССТВ

Удача театра

В ЕРЕВАНСКОМ театре имени Г. Сундукяна большим успехом у зрителя пользуется историко-революционная драма Гургена Боряна «Под одной крышей». Отмеченная на Всесоюзном фестивале дипломом первой степени.
Драма «Под одной крышей» меньше чем за один сезон (преьера состоялась в ноябре) прошла около 60 раз и всегда при повторном залье. Этот успех прежде всего объясняется литературно-сценическими достоинствами пьесы. Борьян сумел показать глубокие общественные конфликты через судьбы отдельных людей. Столкновение борющихся сторон обострено еще и тем, что в центре событий стоят родные братья. Пусть не во всем удалось драматургу добиться успешной реализации замысла. Но главное — ощущение напряженности великой эпохи, — несомненно, передано в пьесе.

Режиссер Варган Аджемян, верный сдержанно-лаконичному стилю драматурга, избегал в своей постановке приемов вышней выразительности. Он предпочел глубоко анализировать и тонко выявлять сложную психологию героев. Этот путь оказался плодотворным для сильного коллектива театра, мастеров которого всегда отличало особое внимание к душевному миру героя.
Армянский зритель давно хотел увидеть в одном спектакле лучших мастеров театра имени Г. Сундукяна. Пьеса Боряна как раз и объединила все лучшие силы театра. В этом спектакле выступили Р. Перессян, В. Вагаршян, Д. Малаян, А. Аветисян, Г. Джанибегян. Интересно отметить, что некоторые ведущие актеры театра заняты даже в эпизодах.

В центре спектакля два брата — враги, исповедующие немиримые политические убеждения. Старшего, руководителя большинства подполья, Арташеся играет Д. Малаян. Играть старшего, младшего брата Георгия — дашиканского офицера — безупречный успех артиста В. Перессяна.
Внутренняя борьба братьев обостряется тем, что Арташеся горячо желает выгнать младшего брата из бо-

Дневник ИСКУССТВ

Удача театра

та, выгнать его из-под влияния банкирши, выгнать политиков. Театр, осуждая Георгия, в то же время вслед за драматургом не очерчивает таких сторон его характера, как искренняя любовь к близким, молодой забор и бесстрашие.
Силой своего большого таланта пленяет зрителей Р. Перессян в роли дедушки Артина — этот могучий духом старик, не теряющий чувства юмора даже в тяжелых испытаниях, становится олицетворением народного характера. Как жалок рядом с ним учитель Рубен Аркадьевич, наблюдающий за жизнью, по его словам, из-за забора. Но играющий эту роль В. Вагаршян убедительно показывает, как мучает и эта слабая душа, как постепенно приходит Рубен к всеобъемлющей правде революции.
После премьеры пьесы режиссер и артисты продолжали над ней работать. Спектакль растет, его образы обретают все большую выучность. Хочется верить, что пьеса Боряна на сцене ереванского театра суждена долгая жизнь.
Л. САМВЕЛЯН

Дневник ИСКУССТВ

Удача театра

го Ван Ли-чена (артист О. Соколов).
Большое впечатление произвело на нас исполнение декораций к балету, в частности — оформление второго акта. Тонко передается пейзаж и архитектуру Китая сцена перед домиком Тао Хоа, очень простым и скромным, соответствующим положению героини. Радуюсь этому точному и одновременно поэтичному решению, мы с улыбкой вспоминали, что в прежних постановках можно было видеть домик бедной танцовщицы в виде фантастического храма, крытого желтой черепицей, которую в действительности использовали лишь для дворцов императора или самых знатнейших аристократов. Удачно, в соответствии с национальными традициями китайского народа, применены черной перламутровой инкрустацией и розовый с орнаментом в духе китайских вышивок занавесы в сцене второго акта. Черный цвет с серебристыми бликами символизирует темные силы, розовый — радужные надежды.

Подлинный Китай

Много радости нам, китайским студентам, принесло знакомство с новой редакцией «Красного цветка», осуществленной в Ленинградском государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова балетмейстером А. Андреевым и художником М. Большиловым. Самое большое достоинство этой постановки заключается в том, что мы чувствовали на сцене свою родину, верили, что перед нами подлинный Китай. Постановщики удалось передать китайский национальный характер в танце, в костюмах и декорациях.
У китайского народа нет своего классического балета. Но балетмейстер А. Андреев очень хорошо передал особенности китайской национальности в образах русской хореографии. Он с большим вниманием отнесся к изучению народного танца нашей страны. Это сказалось в таких частях балета, как

танец павлина, танец с красной лентой, танец лотоса, танец с барабаном. Другие партии балета построены с применением жестов и пластических интонаций, взятых у ленинской традиционной оперы. Очень важно, что балетмейстеру удалось избежать механического повторения и создать совершенно самостоятельное произведение русского классического балета с сохранением своеобразия китайских национальных черт.
Нас, китайских студентов, балет «Красный цветок» особенно волнует тем, что в нем запечатлена освободительная борьба нашего народа, его прочная и давнишняя дружба с русским народом.

Особенно удачно, на наш взгляд, решены в балете положительные образы — молодой танцовщицы Тао Хоа (артистка Н. Петрова), жертвавшей жизнью ради спасения революционера, и молодого китайского рабочего Ван Ли-чена (артист О. Соколов).
Для нас, воспитанных на искусстве традиционного китайского оперного театра, где богатые величье и беднейшие крестьяне выступали в равной роскоши одежды, в различных типах условным для разных общественных групп цветом, было непривычно видеть простые ткани и покров одежды, например, портовых грузчиков. Но мы понимаем, что такая трагическая костюма в русском балете продиктована стремлением передать жизнь народа в ее реальных, конкретных чертах.

Именно в жизненности, в народности спектакля — его главное достоинство. Такой спектакль, верный исторической национальной и художественной правде, можно было создать, будучи искренним и близким другом народного Китая. Большое спасибо мастерам советской хореографии за яркий реалистический балет!

ЧЖОУ ЧЖЕН, СИ ЦЗИ-ЧЖИ, И. ЛЕМБЕРГ

— Дедь, талия! Словно что мягло вяжал за горло Федора Степановича и не отпускал до тех пор, пока там не сползла горький ком, а на глазах не выступили слезы. И он был так бесцелен, что даже вытереть эти слезы ему было трудно.
Еще когда только Наташа с Александром вошли, Федору Степановичу бросился в глаза, какие они оба свежие, сильные, молодые. Сила и молодость прямо брызжут из них, как из того подгона... И от этой мимолетной мысли стало так радостно за детей, и безысходно горько за себя, за свою старость и немощь. Санька сейчас опять напомнил об этом: «Талия!», Я бы встал, мягло ты мой мягло, да нет у меня силы на это. У меня может не выдержать сердце...
Дверь палаты открылась, и в щель просунулась куцавая голова Гончарука.
— Заходи, — позвал Федор Степанович. — Заходи.

Выглядывая из кармано на столбах, ablони, крупные, словно зандревшие, сливы, Гончарук расскажывал, как идет жатва в колхозах.
— По самым скромным подсчетам, миллиончика три пудов даст подгон прибавки по району... А Федор Степанович слушал Гончарука, слушал Александра с Наташей, держал за мятку ручку Саньку и чувствовал себя как бы раздвоенным. Один Федор Степанович слушал, счастливый и от того, что ему рассказывали, и от того, что в его руке шевелилась теплая ручонка внука; другой же, отрешенный от всего происходящего здесь, ушедший в себя, думал: а что, если не выдержит? И не последний ли раз я вижу этих милых, дорогих людей?
Пришла такая минута, когда он, обедая взглядом Александра с Гончаруком, Наташу с Санькой, примыренно подумал: а что же, в конце концов, если и умру. Что же? Остается хороший молодой подгон. Не страшно и умереть.
Мысль эта ему нравилась. Она успокаивала. Но вот Александр, как-то к слову, сказал:
— Поглядел бы, как сейчас в полях!
И стоило Федору Степановичу на одно мгновение представить себе, что он уже больше ни когда не увидит ни Наташу с Санькой, ни Александра с Гончаруком, ни многих других людей, с которыми сроднился его работа, не увидит никогда полей и не вдыхнет росоного утреннего простора, — и недавняя, нравившаяся ему мысль показалась ужасной и нелепой.
Нет! — запротестовало, закричало все его существо. — Нет! Я не хочу умирать! Я хочу жить! За окном лопатали на ветру лаковые листья сирени, солнце играло в них, снольза с одного листа на другой, куда-то пропала и снова появилась. Один лучик трепетал, переливался на ближней от окна ветке и словно встал, манил куда-то.
Очень хотелось жить!

— С добрым утром! Одна из иллюстраций книги.
они едят, одеваются, играют, трудятся, капризничают. Вот напракотивший мальш грустно отбывает наказание в углу, вот немощно обескураженно личико девочки
— Дедь, талия! Словно что мягло вяжал за горло Федора Степановича и не отпускал до тех пор, пока там не сползла горький ком, а на глазах не выступили слезы. И он был так бесцелен, что даже вытереть эти слезы ему было трудно.
Еще когда только Наташа с Александром вошли, Федору Степановичу бросился в глаза, какие они оба свежие, сильные, молодые. Сила и молодость прямо брызжут из них, как из того подгона... И от этой мимолетной мысли стало так радостно за детей, и безысходно горько за себя, за свою старость и немощь. Санька сейчас опять напомнил об этом: «Талия!», Я бы встал, мягло ты мой мягло, да нет у меня силы на это. У меня может не выдержать сердце...
Дверь палаты открылась, и в щель просунулась куцавая голова Гончарука.
— Заходи, — позвал Федор Степанович. — Заходи.

В Центральном парке культуры и отдыха имени И. Горького открыта выставка произведений молодых художников Московской области, посвященная 40-летию Ленинского комсомола. Фото Э. ЕВЗЕРКИНА

Подлинный Китай

Много радости нам, китайским студентам, принесло знакомство с новой редакцией «Красного цветка», осуществленной в Ленинградском государственном театре оперы и балета имени С. М. Кирова балетмейстером А. Андреевым и художником М. Большиловым. Самое большое достоинство этой постановки заключается в том, что мы чувствовали на сцене свою родину, верили, что перед нами подлинный Китай. Постановщики удалось передать китайский национальный характер в танце, в костюмах и декорациях.
У китайского народа нет своего классического балета. Но балетмейстер А. Андреев очень хорошо передал особенности китайской национальности в образах русской хореографии. Он с большим вниманием отнесся к изучению народного танца нашей страны. Это сказалось в таких частях балета, как

танец павлина, танец с красной лентой, танец лотоса, танец с барабаном. Другие партии балета построены с применением жестов и пластических интонаций, взятых у ленинской традиционной оперы. Очень важно, что балетмейстеру удалось избежать механического повторения и создать совершенно самостоятельное произведение русского классического балета с сохранением своеобразия китайских национальных черт.
Нас, китайских студентов, балет «Красный цветок» особенно волнует тем, что в нем запечатлена освободительная борьба нашего народа, его прочная и давнишняя дружба с русским народом.

Особенно удачно, на наш взгляд, решены в балете положительные образы — молодой танцовщицы Тао Хоа (артистка Н. Петрова), жертвавшей жизнью ради спасения революционера, и молодого китайского рабочего Ван Ли-чена (артист О. Соколов).
Для нас, воспитанных на искусстве традиционного китайского оперного театра, где богатые величье и беднейшие крестьяне выступали в равной роскоши одежды, в различных типах условным для разных общественных групп цветом, было непривычно видеть простые ткани и покров одежды, например, портовых грузчиков. Но мы понимаем, что такая трагическая костюма в русском балете продиктована стремлением передать жизнь народа в ее реальных, конкретных чертах.

Именно в жизненности, в народности спектакля — его главное достоинство. Такой спектакль, верный исторической национальной и художественной правде, можно было создать, будучи искренним и близким другом народного Китая. Большое спасибо мастерам советской хореографии за яркий реалистический балет!

ЧЖОУ ЧЖЕН, СИ ЦЗИ-ЧЖИ, И. ЛЕМБЕРГ

— Дедь, талия! Словно что мягло вяжал за горло Федора Степановича и не отпускал до тех пор, пока там не сползла горький ком, а на глазах не выступили слезы. И он был так бесцелен, что даже вытереть эти слезы ему было трудно.
Еще когда только Наташа с Александром вошли, Федору Степановичу бросился в глаза, какие они оба свежие, сильные, молодые. Сила и молодость прямо брызжут из них, как из того подгона... И от этой мимолетной мысли стало так радостно за детей, и безысходно горько за себя, за свою старость и немощь. Санька сейчас опять напомнил об этом: «Талия!», Я бы встал, мягло ты мой мягло, да нет у меня силы на это. У меня может не выдержать сердце...
Дверь палаты открылась, и в щель просунулась куцавая голова Гончарука.
— Заходи, — позвал Федор Степанович. — Заходи.

Выглядывая из кармано на столбах, ablони, крупные, словно зандревшие, сливы, Гончарук расскажывал, как идет жатва в колхозах.
— По самым скромным подсчетам, миллиончика три пудов даст подгон прибавки по району... А Федор Степанович слушал Гончарука, слушал Александра с Наташей, держал за мятку ручку Саньку и чувствовал себя как бы раздвоенным. Один Федор Степанович слушал, счастливый и от того, что ему рассказывали, и от того, что в его руке шевелилась теплая ручонка внука; другой же, отрешенный от всего происходящего здесь, ушедший в себя, думал: а что, если не выдержит? И не последний ли раз я вижу этих милых, дорогих людей?
Пришла такая минута, когда он, обедая взглядом Александра с Гончаруком, Наташу с Санькой, примыренно подумал: а что же, в конце концов, если и умру. Что же? Остается хороший молодой подгон. Не страшно и умереть.
Мысль эта ему нравилась. Она успокаивала. Но вот Александр, как-то к слову, сказал:
— Поглядел бы, как сейчас в полях!
И стоило Федору Степановичу на одно мгновение представить себе, что он уже больше ни когда не увидит ни Наташу с Санькой, ни Александра с Гончаруком, ни многих других людей, с которыми сроднился его работа, не увидит никогда полей и не вдыхнет росоного утреннего простора, — и недавняя, нравившаяся ему мысль показалась ужасной и нелепой.
Нет! — запротестовало, закричало все его существо. — Нет! Я не хочу умирать! Я хочу жить! За окном лопатали на ветру лаковые листья сирени, солнце играло в них, снольза с одного листа на другой, куда-то пропала и снова появилась. Один лучик трепетал, переливался на ближней от окна ветке и словно встал, манил куда-то.
Очень хотелось жить!

— Дедь, талия! Словно что мягло вяжал за горло Федора Степановича и не отпускал до тех пор, пока там не сползла горький ком, а на глазах не выступили слезы. И он был так бесцелен, что даже вытереть эти слезы ему было трудно.
Еще когда только Наташа с Александром вошли, Федору Степановичу бросился в глаза, какие они оба свежие, сильные, молодые. Сила и молодость прямо брызжут из них, как из того подгона... И от этой мимолетной мысли стало так радостно за детей, и безысходно горько за себя, за свою старость и немощь. Санька сейчас опять напомнил об этом: «Талия!», Я бы встал, мягло ты мой мягло, да нет у меня силы на это. У меня может не выдержать сердце...
Дверь палаты открылась, и в щель просунулась куцавая голова Гончарука.
— Заходи, — позвал Федор Степанович. — Заходи.

БЕССИЛИЕ «ПОЛИТИКИ СИЛЫ»

МАЛОПОЧТЕННОЕ, унижительное, пак, как вежливо выражаются сейчас дипломаты на Чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «трудное» положение США и Англии после их агрессивного вторжения в Ливан и Иорданию не может, разумеется, ни в ком вызвать сочувствия. За чем шли, к тому и пришли. Шли с недобрыми намерениями, недобро и получают. Они осуждены человечеством, а последствия их бесрасудной акции еще скажутся в будущем.

О последних говорить рано. Но совершенно сделать хотя бы первые выводы. Они крайне неутешительны для всей системы империализма и колониализма, для будущих «возможностей» империализма. И они, эти выводы, — ободорящие для свободных народов. Ведь разоблачил же великий Толстой, отнюдь не любивший Наполеона, переживания этого завоевателя в день битвы при Бородине: «Когда он перебрал в воображении всю эту страшную русскую кампанию, в которой не было выиграно ни одного сражения, в которой в два месяца не взято ни замка, ни пушки, ни корнусов войск, когда глядел на скрытно-печальные лица окружающих и слушал доношения о том, что русские все стоят — страшное чувство, подобное чувству, испытываемому в союзничестве, охватывало его, и ему приходило в голову все несчастные случаи, могущие постигнуть его... Да, это было как во сне, когда человеку представляется наступающий на него злодей, и человек во сне размахнулся и ударил своего злодея с тем страшным усилием, которое, он знает, должно уничтожить его, и чувствует, что рука его, бессильная и мягкая, падает как тряпка, и удар неотразимо постигает его охватывая беспомощного человека».

Не так ли, но сходящим ли образом разразившееся нынешнее вторжение завоевателей на Ближний Восток? Они вооружены лучше наполеоновской армии (если сделать даже «поправку» на изменения в военной технике за полтора столетия). Их численное превосходство над всеми потенциальными силами сопротивления в двух маленьких арабских странах не идет даже в сравнение с перевесом «великой армии» Наполеона над русской армией. Превосходство их подавляющее, завоевательные намерения беспредельны.

И все же рука агрессора бессильно повисла в воздухе... Напомним. Народная революция в Ираке, сокрушившая самую надежную опору «Запада» на Арабском Востоке, в самом Багдаде, именем которого назван был даже пакт, символизировавший владычество этого «Запада», оказалась последней каплей; всерывавшая догтережные (можно сказать, благодарные) гг. Даллеса и других в Вашингтоне и Лондоне. Их решение было ясным, несомненным, категоричным: отбросить «болото» о миролюбии, снять маску доброты, показать «всем этим арабам», «всем этим революционерам», «всем этим коммунистам», где раки зимуют, показать им несокрушимую силу, мощь, власть «Запада».

И все это было показано. За бесчисленными, следующими друг за другом «десантами», брошенными на Бейрут и Амман, в грозном строю был 6-й американский флот со всеми его авианосцами, ракетными установками и водородными бомбами, вооруженная до зубов турецкая армия, армия Израиля, а за ними — на горизонте — все силы пятнадцати государств — участников Атлантического блока (Велич и Италия, и Западная Германия как союзники США по НАТО уже представляли агрессору свои территории). Миллиарды воинов США и других стран грозили атомной бомбой, а Даллес вылетел на совещание в Лондон, чтобы мобилизовать и в Азии все, что осталось от попухи Багдадского пакта. Это был замах масштаба планетного. Это был открытый, открытый переход от лицемерного овечьего блеяния западных дипломатов к львиному рыку воюющих.

И это была прямая угроза всеобщей, мировой войны, «если кто-нибудь станет возражать». Ливан и Иордания официально рассматривались лишь как первые, «попутные» жертвы, как плацдармы для дальнейшего «наступления» развоя, следующим этапам которого должны были стать Ирак (главный «виновник» потери равновесия в Вашингтоне и Лондоне), другие арабские, а может быть, и не только арабские государства...

Не во сне, а наяву агрессоры «вдруг» ощутили приступ необычайной слабости. Произошло «чудо». Но чудом оно могло показаться только тем, кто видел величайшие исторические изменения, происшедшие в мире за последние десятилетия, кто забыл даже уроки англо-франко-иранской агрессии против Египта в 1956 году. Не «вдруг», а закономерно оказалось, что против агрессии и агрессоров вовсе не маленькие кучки безоружных патриотов в Ливане и Иордании. Против них все, все мир. Их считали необходимыми спойкой пре-

дурить две великие социалистические державы — Советский Союз и Китайская Народная Республика. Их осудили правительства и народы всех социалистических государств. Гнев объял весь арабский мир, распространился по огромному азиатскому континенту, по континенту Африки. Агрессоры «не поняли», не поддержали в Латинской Америке. Возмущение распространилось на Западный Европу; оно охватило и многих честных американских граждан.

С радостью и некоторой долей приятного удивления читая мы решительные слова председатели бельгийского сената, видного деятеля социально-христианской партии Поли Струве: «Даже в странах — участницах Североатлантического блока, например в Бельгии, правительства которых сочили своим долгом встать на сторону США, общественное мнение осуждает вмешательство в Ливане и Иордании...» Еще удивительнее читать статьи буржуазных органов прессы в Таиланде, стране, считающейся «свершим союзником» США, статьи, требующие вывода войск агрессоров из Ливана и Иордании. И еще более удивляют такие смелые строки в... турецкой «Ени газете»: «...налицо действительная агрессия, которую никак нельзя отрицать. Иметь место действия, направленные на прекращение освобождения движения арабов. Эти действия — не косвенные, как утверждают, а самые прямые. Они порождены больно Англии и других западных государств уступить львиную долю своих прибылей от добычи нефти арабским националистам — действительным хозяевам этой нефти».

Что это? Распространение по всему свету столь ненавистного Даллесе коммунистического мироустройства? Результат пропаганды Кремля и Пекина? Последствия ставшего ныне всеобщим «антиамериканизма»? Прежде всего это — свидетельство возросшего самосознания широких народных масс, понимания ими того, что никак не пойдут люди, руководившие высшей политикой США.

То новое, главное, что изменило уже мир и продолжает его изменять и чего упорно не желают признавать в Вашингтоне, в простых словах обринуто на днах в выступлении генерального секретаря компартии Италии тов. Пальмиро Тольятти:

«Мы достигли такого момента, когда больше нельзя держат в угнетении миллионы людей во имя блага горстки людей в Нью-Йорке, Лондоне и Париже, которые получают миллиарды прибыли. Ныне народы сами хотят решать свою судьбу и могут это сделать».

Так и произошло, что, встретив сопротивление всего человечества, агрессоры уже к началу августа «внезапно» отменили свой крестовый поход за полное восстановление колониализма на Ближнем и Среднем Востоке, «ограничили» агрессию пределами Ливана и Иордании и стали подымать о том, как бы «спастись». В американских и английских буржуазных газетах сейчас можно прочесть немало блудливых рассуждений насчет того, что «кризис миновал», что предупреждения Советского Союза были «целинными» и «верными», что Ливан и Иордания «никто» и не собирался идти, да и оттуда уйдут с немалой охотой, хотя сознают, что, например, короля Хусейна уже ничто и никто не сможет спасти от гнева народного...

Но провал гг. Даллеса и генералов НАТО откровенно признается такими солидными американскими органами, как, например, «Нью-Йорк геральд трибун». В статье известного Липмана газета пишет: «В настоящий момент основной вопрос заключается в том, как добиться соглашения о выводе английских войск, находящихся сейчас в Иордании... До сих пор рус-

ские и Насер, полностью понимая затруднительное положение, в котором оказались англичане и американцы, не сделали ничего, чтобы помочь выйти из этого положения. Они требуют безоговорочного вывода войск. Это было бы унижением...»

Кто же вас завел в это «затруднительное положение», господа! Зачем вас занесло туда, откуда вы теперь сами ищите выхода? И предател разве вам Советский Союз когда-либо такое соглашение, касающееся Ближнего Востока или другого района мира, которое унижало бы Соединенные Штаты, подыало бы их «престиж»? Таких предложений не делало.

Если бы у государственных деятелей США появилось действительно серьезное желание хотя бы «спастись», как говорят дипломаты, — это все же было бы признаком выздоровления. Боюсь, что такого серьезного желания все еще нет, и именно поэтому спасти Ливан и Иордания в этом будет ничто. Не кто иной, как сам господин Даллес. Он не спасает, а выставляет свое лицо напоказ. И на лице нет никакого просветления.

19 августа, то есть в те дни, когда для просветления мозгов созданы все условия, телеграф передател текст речи Д. Ф. Даллеса на съезде организации «Ветераны иностранных войн». Речь эта поражительна. В ней высказаны очень правильные, проверенные опытом народом положения. Но странное сочетание разума и фанатичного безумия всякий раз мещает г-ну Даллесу сделать выводы логические, а не прямо противоречащие тому, что он сам говорит.

Государственный секретарь США вспоминает годы, предшествовавшие второй мировой войне. Он напоминает о том, как верно, Мурро предупреждал тогда Советский Союз о необходимости коллективного отпора агрессору. Державы Запада все время попустительствовали тогда агрессивным державам, но оказывали сопротивление нападению их на малые страны, и вот вторая мировая война началась. «Презказание, к сожалению, сбылось», — признает г-н Даллес.

Тут бы и отметить государственному секретарю США сходство нынешней, недавней ситуации с прошлым, — не только сходство, но и важное отличие. Советский Союз и огромное число других миролюбивых держав, при поддержке широкой общественности не примирлись с агрессивным нападением США и Англии на две маленькие страны, понимая, что это грозит войной более широкой, более страшной. И результатом агрессии — приостановлена, агрессора судят и осуждают, он вынужден вернуться, как грешник на вертеле, и мечтает только о том, как бы уйти совсем спокойно, без ущерба.

Но ничего этого не замечает г-н Даллес и мчится далее на волнах своего каприза, хотя и приносятся опять-таки совершенно правильную общую формулу: «Сейчас, так же как в 1939 году, я считаю, что политика отступления, политика уступок за уступками приведет не к миру, а к войне». Но относит он эту формулу не туда, куда следует: не его мысли выходят, и что вооруженные силы США могут и должны вторгнуться в другие страны, например в независимые арабские страны, под флагом «неуступчивости»... национально-освободительного движения народов этих стран.

Что же касается агрессора, фактически совершившего свое «прорыв» нападение на две маленькие страны, нападение прямое, действительное, а не «косвенное», по части которого г-н Даллес тоже немалый специалист, — государственный секретарь США продолжает оправдывать и агрессоров, и

агрессию. Больше того, в защиту американского и британского нападения на Ближний Восток он приводит смешные, нелепые «аргументы», полностью уже разоблаченные перед всей международной общественностью.

Особенно странно звучат в устах Даллеса такие вполне разумные слова: «Если сильные страны попытаются своими собственными средствами перекрестить мир по своему образу и подобию, если они попытаются путем применения силы удержать мир от изменений, тогда катастрофа неизбежна».

Вот именно. Это и толкуют Даллесу и американские генералы все здравомыслящие люди. А генералы, монополисты нефти и Даллес пытаются удержать от «изменений» такую страну, как Иордания, где, по признаниям буквально всей английской и американской буржуазной прессы, все население стремится нестерпеть жестокый, ненавистный ему королевский режим.

Поистине, государственный секретарь США утрагил не только чувство реальности (это всегда было ему свойственно), — он утрагил и чувство юмора. Не зная же столь открыто издеваться над самим собой и над своей политикой!

Хорошо, что Липман и его газета «Нью-Йорк геральд трибун» мечтают о том, чтобы Соединенным Штатам было дозво-

лено «прилично» и без открытого позора покинуть захваченные ими чужие территории. Допустим, что они искренни. Но, как показывает выступление Даллеса, мнение журналистов не отражает позицию американского правительства. Только в том случае, если оно и его британский союзник искренне стремятся исправить содеянное, то есть вывести свои войска из Ливана и Иордании, будет оправдана историей мягкая резолюция, рекомендованная Чрезвычайной и специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН группой арабских государств и единогласно принята Ассамблей. Ведь это означает, что США и Англия оказываются в большом доверии. Самое ближайшее будущее покажет, обосновано ли проявила его пострадавшие от агрессии страны, выступившие в качестве авторов этой резолюции.

Знаменательное горестное признание обозревателя Джозефа Олдона, известного барда американской политики «с позиции силы», опубликованное вчера, по окончании сессии Ассамблеи: «Этой американской политике нанесено теперь сокрушительное поражение».

Проблема ясна: если США и Англия действительно хотят восстановить свой престиж, — они должны прекратить начатую им оккупацию. Если они этого не делают, — последние остатки престижа Запада и доверия к нему других стран будут утрачены.

С Г О Д Н Я — 14-я ГОДОВЩИНА ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ

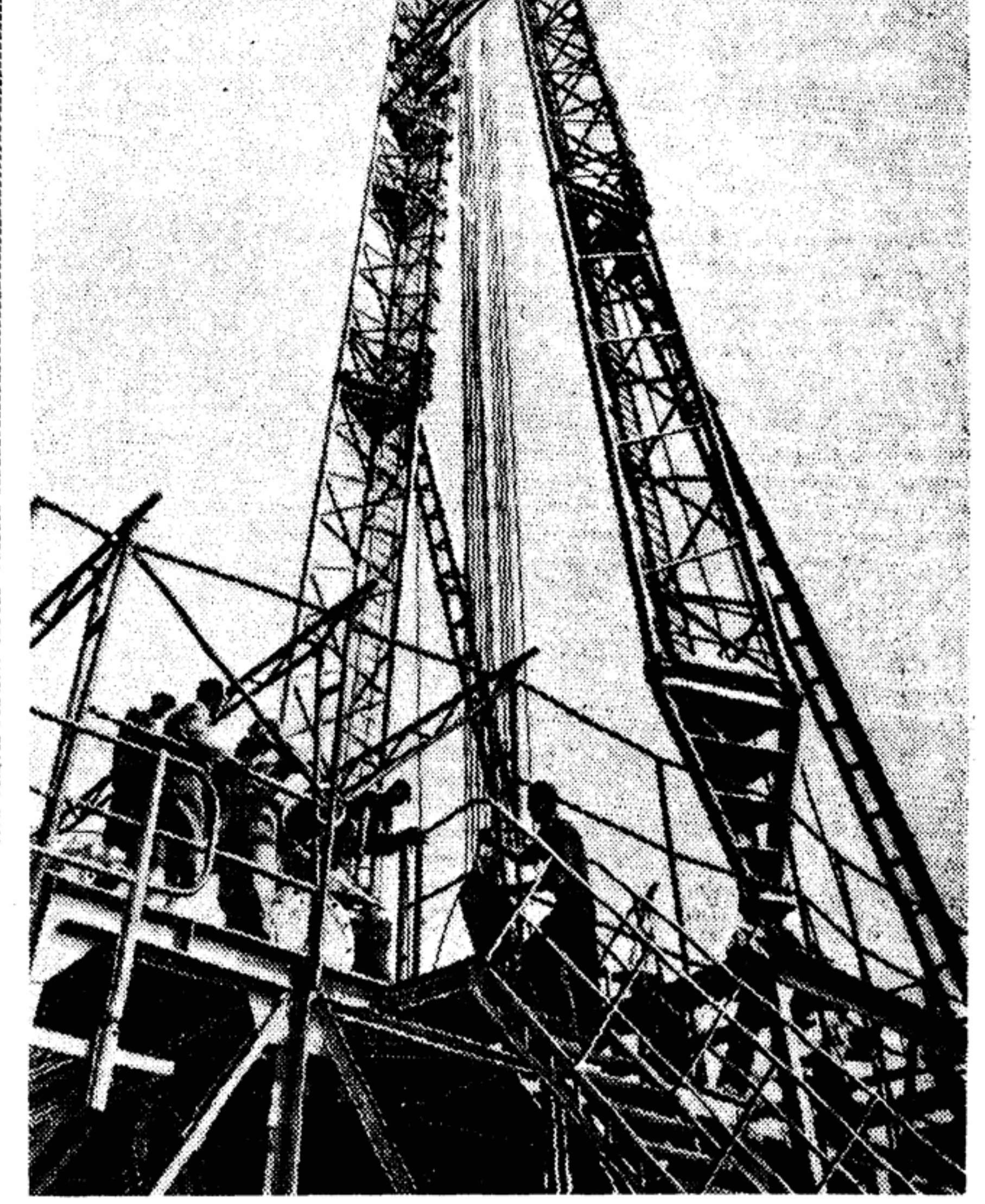
Социалистическая Румыния и мир

КАЖДЫЙ здравомыслящий человек вправе задать себе вопрос: «Почему это получается так, что ни разу, ни одного разу, предложения о мирном сосуществовании народов и стран, о прочном мире на всей земле и прекращении испытаний ядерного оружия не поступали от правительства США, Англии или Франции?» И наоборот: «Почему всякий раз, когда подобные предложения исходят от Советского Союза или другой миролюбивой страны, эти три государства делают все что только мыслями для их срыва еще до того, как подобные предложения могли бы подвергнуться обсуждению в каком-либо международном органе, на совещании руководителей крупнейших держав?»

Даже когда, боясь предстать перед общественным мнением приверженцами войны, эти правительства делают вид, что готовы обсудить вопросы устранения опасности атомной войны, они лихорадочно подыскивают всеческие предлоги, чтобы сорвать обсуждение, вытисывают невыгодные условия, ничего общего не имеющие с главными, самыми явными международными проблемами. Они действуют так, что самому непредвзятому человеку становится ясно: это просто маневры, попытки выиграть время для подготовки внезапной войны против стран социализма, о чем, кстати, нередко и в открытую хвально генералы и адмиралы на Западе.

Так произошло и в нынешнем году, когда предложение Советского Союза о совещании в верхах было как будто пожелательно встречено на Западе. Создалась даже видимость согласия, в глазах блеснул договоренности. Но ув! Вашингтон снова постарался сделать все, чтобы оттянуть эту встречу, вытиснул бесрасудные условия.

«Полное безумие!» Да, а как же иначе назвать эти условия, с головой выходящие зловещим государственным мужей, стремящихся вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, в мирную

Мощная автоматическая установка для скоростного бурения, построенная Пловдивским заводом нефтяного оборудования имени 1 Маг.

жизнь свободных народов! И сами-то империалистические круги должны понимать недопустимость обсуждения вопроса войны или быть народно-демократическому строю в странах, свободным избравшим такой путь. В результате добытой дорогой ценой победы.

Но тем не менее всякий раз, когда они оказываются припертыми к стене и им, как говорится, некуда податься, они с быстротой фокусника извлекают свой старый, затасканный пропагандистский трюк о якобы назавном странам народно-демократическом строе. Им самим это отнюдь не мешает в то же самое время осуществлять свои преступные замыслы на Ближнем Востоке. Интересные подсказки в ход всякого рода вымысла, стремясь представить свою агрессию против арабских стран как некое благое дело.

Нет, господа, не пройдет. Всем ясны ваши цели. Вот почему миролюбивые силы всего мира требуют пресечь агрессию. И довольно фарисейских слов о том, что будто бы вы честнее «независимости и целостности малых государств».

Уж не считает ли также мистр Даллес, что в Румынской Народной Республике или в другом социалистическом государстве его встретят с распростертыми объятиями как «освободителя»?

Кому не известно, что в Румынии крестьяне давно получили землю. Хвала всевышнему, — выражаясь церковным языком, который так нравится мистру Даллесу, — у нас нет больше помещиков и на селе происходят великие социальные и культурные преобразования.

Неужели же Даллес и его приспешники думают, что румынский народ, значительное большинство которого — крестьяне, только и мечтает о возврате «добрых старых времен», когда румынские бояре прожигали плоды труда «своих крепостян» в Париже и Монте-Карло? Неужели кто-нибудь поверит, что земледельцы, только теперь об-

ретные права и свободы, жаждут поскорее лишиться их? Чтобы вечная нужда опять переступила порог их дома? Чтобы снова, как в незабываемый кровавый 1907 год, справедливые народные требования были встречены свинцом и виселицами?

Недавно наш народ отпраздновал десятилетие национализации крупной промышленности. За кратчайший для всемирной истории срок, следуя мудрым указаниям партии рабочего класса и опираясь на братскую помощь Советского Союза, мы коренным образом изменили облик нашей промышленности.

Сейчас успехи, достигнутые нами в развитии экономики и повышения жизненного уровня трудящихся очевидны для каждого, кто не предвзят относится к нашему народу. Темпами, немалыми при буржуазном строе, мы создали совершенно новые отрасли народного хозяйства. И сейчас всюду в нашей стране, так же как и за ее рубежами, вы можете встретить самое совершенное оборудование с маркой «Сделано в РНР».

Что касается помощи Советского Союза, то в нашей стране нет такого трудящегося, который не убедился бы на собственном опыте в огромном значении для нашей страны этого товарищеского сотрудничества. Мы гордимся этой помощью и открыто заявляем, как писала недавно газета «Скынтея», что все успехи, одержанные румынским народом под руководством партии в строительстве социализма, неразрывно связаны с плодотворным сотрудничеством с Советским Союзом и его помощью нашей стране.

Так неужели же Даллес и другие вкупе с ним могут все еще думать, что румынские рабочие, творцы новой, счастливой жизни, только и думают о возвращении заводчиков и фабрикантов, тех самых заводчиков, которые отвечали на требования достойной человека жизни огнем пулеметов, как это произошло в шахтерском городе Луэни, или когда подыкались железнодорожники Гривичи, нефтяники Праховаи.

Сегодня, в 14-ю годовщину освобождения Румынии от фашистского ига, нельзя не видеть, что наша культура и наука достигли несравненно больших результатов, чем за все 140 лет буржуазно-помещичьего строя. Посмотрите, сколько у нас новых школ и музеев, домов культуры, библиотек... Они есть повсюду! Культурная жизнь пришла людям новое достоинство, послала веру в творческие силы народа, воспитала уважение к прогрессу, к духовным богатствам всего человечества. Она укрепила нашу уверенность в победе светлых идей социализма. Вот откуда та жгучая потребность, тот оптимизм, какие бывают лишь у людей, свободных от угнетения и эксплуатации.

Так неужели Даллес думает, что эти непоколебимые убеждения можно изменить с помощью явочной резники, кока-кола и телерывных «коммушек»? Да нет, он, пожалуй, этого не думает и не собирается прибегнуть к подобному «неинициальным» средствам переубеждения. Он верит больше в иные «светлые» дары — в атомные и водородные бомбы. А для того чтобы святая троица была представлена полностью, он уповает и на эффект внезапного нападения — вот основа пресловутой политики «позиции силы».

Народ Румынии твердо знает: тот, кто готовит атомную войну

против стран социализма, тот, кто решится на этот безумный шаг, подпитает тем самым свой собственный смертный приговор, ибо встретит достойный отпор.

Кстати, и сами сборники «Холодной войны», готавшиеся «горячую войну» (при температурах, когда водород превращается в гелий), вынуждены считаться с тем, что их чудовищным помыслам противостоит великие силы всемирного движения за мир. В этом движении, охватившем все континенты, участвуют миллионы людей, в том числе и выдающиеся американские деятели науки, писатели, художники...

Когда читаешь, распространенные американские журналы, вроде «Сатерли ривью» и другие, то сразу со статьями, преднамеренно или по неведению дающим ложные представления о мире социализма, находишь и такие, в которых сквозит любовь к человеку, к культурному прогрессу, возможному миру в условиях мира.

Недавно Бухарест, как и Москва, горячо принимал симфонический оркестр из Филадельфии, американского дирижера Юджина Орманди. Мы получаем книги из Латинской Америки и сами посылаем туда свои произведения. Как братьям, рассказываем о себе людям за океаном. Подобный обмен происходит у нас и с писателями США, не говоря уже о крепких культурных официальных и неофициальных связях с французскими и итальянскими собратьями, с научными, культурными учреждениями этих стран.

В Бухаресте, на живописных дорогах Румынии вы можете встретить людей, разговаривающих на английском, датском, немецком или французском языках. Это деятели науки и культуры, прибывшие на съезды и конференции, либо туристы, страстно желающие своими глазами увидеть мир социализма. И мы едем за океан, в страны Средиземноморья и Скандинавии. Беседуя между собой, люди убеждают, что одинаково ненавидят войну, одинаково радуются всему хорошему в каждой стране, возмущаясь теми, кто хочет вернуть народы в пучину новой войны.

Так неужели сейчас, в эпоху, когда человек овладевает атомной энергией, когда в биологии, медицине и других отраслях науки мы находимся на пороге величайших открытий, все должно погибнуть в пламени ядерных взрывов? Неужели Даллес, люди, заседающие в Брелом доме или в Вестминстере, смеются потопить, смещая ростки надежды человечества на возможность мирного сосуществования? Или не хватает у них смелости на честное соревнование между двумя системами? Почему прибегают они к закулисным интригам и угрозам, не желая проверить жизнью, опытом, какая система лучше — капиталистическая или социалистическая, какая дает больше простор прогрессу человечества? Такой проверка жизнеспособности общественного строя боится там, на Западе.

И пусть те, кто хочет опираться только на политику военных угроз, знают, что в нынешний век можно говорить лишь языком, отвечающим действительности соотношению сил.

А действительное положение вещей в мире таково, что оно исключает всякую возможность добиться господства одних стран над другими. И величайшим велемем нашего времени по-прежнему остается мир во всем мире.

БУХАРЕСТ

И. о. главного редактора **В. ДРУЗИН**. Редакционная коллегия: **М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛЯ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ** (зам. главного редактора), **Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛЖЕНИН**.

Ташкент оделся в праздничный народ. Праздник дружбы

Ташкент оделся в праздничный народ. На зеленых улицах, широких площадях горда плещутся разноцветные знамена стран — участники кинофестиваля. Везде слышится разноязычная речь гостей. Накануне открытия фестиваля узбекские девушки в национальных костюмах навещали гостей, поздравляли их с предстоящим праздником, вручили подарки, сувениры.

И вот наступил теплый звездный вечер на узбекской земле. Праздничный кортеж с гостями направляется по ярко освещенным проспектам к площади имени Ленина, где их ждут десятки тысяч ташкентцев. На трибуну поднимаются деятели культуры, кинематографии Китая и Индии, Демократической Республики Вьетнам и Индонезии, Объединенной Арабской Республики и Цейлона, Южной Кореи, Японии, всех братских Республик Средней Азии и Закавказья. Среди гостей — делегация организационного комитета Союза работников кинематографии СССР во главе с И. Пырцевым, деятели кино Украины, Белоруссии, Литвы, Москвы, Калининграда. Бурной овацией встречено собравшиеся появление на трибуне почетного гостя фестиваля Поля Робсона.

Митинг открывает председатель Оргкомитета по подготовке к проведению фестиваля Расул Гуламов. Гостей от имени ташкентцев тепло приветствует заместитель председателя исполкома городского Совета Исламов. Первое слово на фестивале представлено делегации Китайской Народной Республики. Факел фестиваля зажигают делегаты республик Индии.

Затем участники фестиваля направились в летний широкоэкранный кинотеатр «Искра», где состоялось торжественное заседание, посвященное открытию фестиваля. В выступлениях участников собрания звучали слова дружбы, братства, призывы к миру и укреплению связей между деятелями культуры Азии и Африки.

Советским зрителям, сказал Расул Гуламов, давно полюбили картины наших китайских друзей, полные своеобразного очарования фильмами кинематографов Индии, выдающихся деятелей египетского кино, лучшие произведения японских кинематографистов.

Министр культуры СССР И. Михайлов назвал фестиваль большим событием в культурной жизни народов. Представленные на нем страны населяет свыше миллиарда человек. Фестиваль ставит перед собой благородные цели, проводится под лозунгом борьбы за мир, дружбу, сотрудничество между народами.

От имени делегации стран Азии, по их поручению, выступает глава индонезийской делегации Харботто. Он вдохновенно говорит о бессмертном духе Вандунга, задаче деятелей культуры, борьбе за мир. Мыслители, чаяния делегации Объединенной Арабской Республики выразил Хусейн Сидки. — Искусство кино, — сказал он, — оказывает огромное влияние на воспитание народов. Каждое произведение киноискусства должно правильно отображать цели, надежды людей, без различия их социального положения. Встречи в Ташкенте, безусловно, помогут нам обменяться мнениями по этому вопросу.

И. Пырцев говорил об успехах кинематографии Востока, выразил уверенность, что, опираясь на национальные традиции, киноискусство всех стран Востока с каждым годом будет расти и превращаться в могучую силу, покоряющую миллионы сердец.

Бурной овацией встречают собравшиеся появление на трибуне Поля Робсона.

— Я очень рад, — говорит Робсон, — что смог встретиться с вами в Ташкенте. Я мечтаю быть с вами, и вот моя мечта сбылась. Я счастлив, что нахожусь в Советском Союзе, где дружба народов крепка, вечна и нерушима.

Оратор волнуется, слова его переплетаются

стухами, он исполняет на русском языке песню «Широка страна моя родная».

Начинается показ фильмов стран — участницы фестиваля. В первые дни были показаны: узбекский документальный фильм «Приезжайте к нам в Узбекистан», азербайджанские художественные фильмы «На дальних берегах», «Не та, так эта», армянские фильмы «Лично известен», «Песня первой любви», бирманский фильм «Грузинские фильмы», «Остаток вдова», «Чужие дети».

Открылась большая выставка изобразительного искусства, посвященная кинофестивалю стран Азии и Африки.

Гости фестиваля посетили Ташкентский текстильный комбинат. Им были показаны фабричные комбината, его культурно-просветительные и бытовые учреждения. Гости восхищались красочными тканями узбекских мастериц.

Волнующая встреча произошла 21 августа в колхозе «Шарк Юлдузи» Октябрьского района, Ташкентской области. Сюда в гости приехал Поля Робсон с супругой. Председатель колхоза трижды Герой Социалистического Труда Хамракул Турсункулов рассказывает о счастливых жизни и самоотверженном труде узбекских хлопкоборов. Поля Робсон долго беседовал с хлопкоборами. Он рассказал о своей молодости, о тяжелом труде американских хлопкоборов и фермеров. Робсон смотрел концерт художественной самодеятельности и сам спел несколько песен.

Состоялось торжественное открытие киногорода в центре Ташкента, где одновременно на пяти экранах показывались выданные хроникально-документальные фильмы: «В Египте», «У китайских друзей», «Артисты Индии в СССР», «Гостеприимная земля Бирмы», «Афганистан» и другие.

Хамид ГУЛИМ

ТАШКЕНТ, 22 августа (АП телеграфу)